

УДК 811.134.2

DOI: 10.17223/19986645/73/9

О.С. Чеснокова

**«ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ», ИЛИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
БИОГРАФИЯ Р. КУЭРВО (ПО РОМАНУ
Ф. ВАЛЬЕХО *EL CUERVO BLANCO*)¹**

Анализируется произведение колумбийского писателя Ф. Вальехо “*El cuervo blanco*”, трактуемое как философский роман-биография колумбийского филолога Р. Куэрво. Установлено, что идиостиль писателя отличают яркая образность, необычные аргументативные стратегии, многообразные интертекстуальные средства. Обосновано, что художественный метод Ф. Вальехо представляет роман как целостное гражданское послание и одновременно как эстетическое осмысление личности Р. Куэрво и уникальности его роли в испанистике.

Ключевые слова: Руфино Куэрво, Фернандо Вальехо, Колумбия, роман-биография, нарратив, идиостиль, аллюзия, интертекстуальность

Биография – это не произведение, а эстетизированный, органический и наивный поступок в принципиально открытом, но органически себе доверяющем ближайшем ценностном авторитетном мире.

М.М. Бахтин

Введение

Фернандо Вальехо Рендон (Fernando Vallejo Rendón; р. 1942 г.) – один из ярких представителей современной колумбийской прозы, сценарист, режиссер, общественный деятель [1; 2. С. 132–134]. Писатель – атеист, открытый гомосексуалист и бескомпромиссный противник виоленсии (исп. *violencia*; внутригосударственный вооруженный конфликт в Колумбии). Широко известны его романы, обличающие виоленсию: *La Virgen de los sicarios* «Богоматерь наемных убийц», 1994), *El desbarrancadero* («Падающий в овраг», 2001). Знаменитый колумбийский режиссер и сценарист Луис Оспина (1949–2019) снял о Фернандо Вальехо документальный фильм *La desazón suprema: retrato incesante de Fernando Vallejo* «Крайнее беспокойство: бесконечный портрет Фернандо Вальехо» (2003), посвященный уникальной творческой личности Ф. Вальехо.

Русскоязычному читателю доступен в переводе роман Ф. Вальехо *La Virgen de los sicarios*, русское название которого «Богоматерь убийц» [3] при обрат-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 19-012-00316).

ном переводе на испанский язык дает словосочетание *La Virgen de los asesinos*, что неверно, так как лексема *asesino* означает ‘убийца’, тогда как *sicario* – ‘наемный убийца’, что семиотически принципиально в названии оригинала.

Признанным специалистом по прозе Фернандо Вальехо является литературовед из Национального университета Колумбии (Богота) Диана Диакону, которая предложила для определения творческого метода писателя термин *autoficción* ‘автоповествование’ [4], получивший одобрение специалистов [5]. Перу Вальехо принадлежат художественные биографии (исп. *biografía novelada*) знаковых личностей колумбийской культуры: *El mensajero* (1991) – биография поэта Порфирио Барбы Хакоба; *Almas en pena, chapolas negras* (1995) – биография поэта Хосе Асунсьона Сильвы, исследование которых только начало колумбийскими учеными [1. Р. 331–382], при этом особое внимание уделяется первому лицу [6] в идиостиле автора, что созвучно с термином *autoficción* ‘автоповествование’, предложенным Д. Диакону.

Писатель широко известен многочисленными выступлениями за чистоту языка, что мотивировало его обозначение колумбийцами как *El (último) gramático* ‘(Последний) грамматист’ [7]. Квинтэссенция гражданской позиции писателя по защите чистоты испанского языка, осмыслению уникального места в испанистике и лексикографии Руфино Куэрво – биография выдающегося колумбийского филолога Руфино Хосе Куэрво Урисарри (1844–1911) в романе *El cuervo blanco* (2012) [8], что и составляет объект данной статьи. Публикация романа получила отклики в прессе [9], рецензии [10], но текст *El cuervo blanco* еще не становился предметом комплексного филологического анализа. *A priori* это предполагает анализ колумбийской идентичности, аксиологических ценностей колумбийской лингвокультуры, ориентацию в идиостиле Ф. Вальехо¹. Незнание колумбийских реалий может привести к ошибочному толкованию текста. К примеру, в статье, посвященной роману *El cuervo blanco* [11], указано, что вместе с Антонио Каро Куэрво основал Институт Каро и Куэрво [11. Р. 296], тогда как этот широко известный в испаноязычном филологическом сообществе Институт был основан 30 лет спустя после смерти Руфино Куэрво и был назван в честь двух знаменитых колумбийских интеллектуалов.

Задача предлагаемой статьи – с применением приемов филологической герменевтики выявить лингвистические и семиотические параметры и биографического описания, и художественного пространства романа *El cuervo blanco* как целостной эстетической системы.

Биография в классическом литературоведении и в творчестве Фернандо Вальехо

В классическом литературоведении биография может быть научной, художественной, академической, популярной, при этом в любом жанровом ракурсе «на основе фактического материала она дает картину жизни человека,

¹ Автор статьи признателен доктору Ивану Падилья Часингу (Национальный университет Колумбии, Богота) за консультации.

развитие его личности в связи с общественными обстоятельствами эпохи» [12. С. 54]. «Апология Сократа» Платона и Евангелия Нового Завета обычно служат примерами биографий, известных с древнейших времен. Развитие мировой культуры привело к различным традициям биографического описания, связанным с национальной литературной традицией и идиолектом автора [13, 14]. Ф. Вальехо разрабатывает синкретичный жанр биографического описания колумбийского филолога Р. Куэрво, окрашенный личностным отношением, собственным жизненным опытом и сопровождаемый многочисленными рассуждениями о языке. Воссоздание хронологической канвы жизни Р. Куэрво в произведении не линейно. Время в тексте не представляет однонаправленной перспективы. Временной пласт смещается в сторону как ретроспекции, так и проспекции, при этом в повествование органично интегрирован образ реального автора-рассказчика, созвучный мыслям М.М. Бахтина, что «резкой, принципиальной грани между автобиографией и биографией нет, и это существенно важно» [15. С. 171].

Повествование *El cuervo blanco* начинается и заканчивается на парижском кладбище Пер-Лашез, где похоронен Руфино Куэрво и его горячо любимый старший брат Анхель (1838–1896). В начале романа читатель вместе с автором-повествователем, ищущим могилу своего кумира, видит прекрасного черного ворона: *Entre los árboles sin hojas de invierno veo un pájaro negro, hermoso. Ah, no, “hermoso” es pleonismo, sobra. Todos los animales son hermosos. Este es un cuervo, un pájaro negro de alma blanca que tiene el don de la palabra, y ahora me está diciendo: “Por allí”* [8. Р. 10] – ‘Среди по-зимнему голых ветвей деревьев я вижу прекрасную черную птицу. Ах, нет, сказать «прекрасную» будет плеоназмом. Все животные прекрасны. Это ворон, черный ворон с белой душой, имеющий дар речи, который сейчас говорит мне: «Сюда»’ (здесь и далее перевод наш. – О.Ч.). В конце же повествования кладбищенские вороны взлетают ввысь, а автор-повествователь преклоняет колени и плачет вместе со всеми колумбийцами у могилы Р. Куэрво: *Pero no, no era yo el que ascendía, eran los cuervos los que se iban. Yo seguía arrodillado abajo ante la tumba, cargando con Colombia y llorando por él* [8. Р. 379] – ‘Но не я возносился, а вороны улетали. Я же оставался коленопреклоненным перед могилой, вместе со всей Колумбией, и оплакивал его [Куэрво]’. Закольцованная топосом кладбища Пер-Лашез композиция вбирает текст с подробной реконструкцией жизни, отношений с современниками и подвижнического творчества Руфино Куэрво. В произведении нет ни одного живого диалога персонажей. Однако многочисленные документы, такие как счета-фактуры, выписки из актов гражданского состояния, выдержки из завещаний, свидетельства о причастии, крещении, фрагменты статей, дневников, названия и перечни книг, черновики писем, переписка Куэрво на различных языках с коллегами и друзьями, письма других персонажей повествования создают особую письменную форму диалогов. Напомним в этой связи точку зрения М.М. Бахтина об открытости и диалогичности письменного текста [15. С. 10].

В диалог со своим героем, с самим собой и с читателем вступает и сам автор. Автоповествование, о котором мы уже упоминали [4–6], включает-

ся в многочисленных отступлениях от биографии Руфино Куэрво и в рассуждениях об испанском языке, за счет чего текст и объективирует три функции языкового высказывания, по К. Бюлеру: информативную, экспрессивную и эвокативную – и создает риторическую триаду: этос (этические обстоятельства речи) – пафос (замысел речи) – логос (языковое воплощение замысла). Факты и размышления о межличностных отношениях Р. Куэрво с родственниками и коллегами перетекают в авторские комментарии речевого узуса и обобщения о сущности языка. Так, например, высказывая недоумение по поводу обращения на *usted* / *Вы* к товарищу юности Мигелю Каро, с которым Р. Куэрво в ранней молодости написал «Граматику латинского языка для испаноговорящих» (*Gramática de la lengua latina para el uso de los que hablan castellano*, 1867), автор-повествователь объясняет, что все жители Боготы обращаются друг к другу на *Вы* (*usted*): *Es que los bogotanos solo hablan de usted: al papá, a la mamá, a los hermanos, a los hijos* [8. Р. 29] – ‘Дело в том, что все боготинцы обращаются на *Вы*: к папе, к маме, к братьям и сестрам, к детям’. Приводя далее примеры конкретного употребления обращений, автор завершает свои рассуждения метафорическим обобщением о варьировании олицетворяемого языка и возвращается к особенностям колумбийского узуса: *Los idiomas son caprichosos, varían según la altura de las montañas y con el transcurrir de los años. Y “trasteo” es colombianismo y significa mudanza* [8. Р. 29–30] – ‘Языки капризны, они изменяются в зависимости от высоты гор и с течением времени. А “trasteo” – это колумбианизм и означает «переезд»’. При кажущейся метафоричности вывода он имеет глубокую реалистическую основу, поскольку один из принципов выделения диалектных зон Колумбии – высокогорье и побережье [16. С. 39], так же как и вокабула *trasteo* имеет достоверное значение ‘переезд’, зафиксированное лексикографически [17. Р. 2091]. Факты биографии Р. Куэрво всегда получают авторскую оценку. Так, осмысливая решение братьев Куэрво навсегда уехать из Колумбии, повествователь делает вывод: *Patria es donde uno vive, no de donde se tiene que ir* [8. Р. 35] – ‘Родина там, где человек живет, а не откуда он должен уехать’. Отъезд во Францию братьев Куэрво с книгами автор комментирует как отъезд с самым дорогим, что у них было: *Se fueron para siempre de Colombia los hermanos Cuervo y con sus libros, lo más precioso que tenían* [8. Р. 105] – ‘Из Колумбии братья Куэрво уехали навсегда и с книгами – самым дорогим, что у них было’. Придерживаясь определения, что идиостиль – это «индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам автопрезентации средствами идиолекта» [18. С. 37], можно заключить, что переплетение фактологических данных жизни и научного творчества Руфино Куэрво с оценкой их автором и рассуждениями об испанском языке составляет одну из доминантных композиционно-структурных и эстетических черт художественного пространства биографии ученого, созданную Ф. Вальехо.

Эстетика названия романа-биографии

В странах испанского языка обычно принята следующая ономастическая идентификация: имя (имена), первая отцовская фамилия, первая материнская фамилия [2. С. 9–10]. Герой произведения имеет полную ономастическую идентификацию *Rufino José Cuervo Urisarri* (Руфи́но Хосе Куэрво Уриса́рри), где *Rufino José* – два имени, *Куэрво* – первая отцовская фамилия (полная ономастическая идентификация отца: Руфи́но Куэрво-и-Баррето; *Rufino Cuervo y Barreto*), а *Уриса́рри* – первая материнская фамилия (полная ономастическая идентификация матери: Ма́рия Франси́ска Уриса́рри Тордеси́льяс; *María Francisca Urisarri Tordecillas*). Официальная многокомпонентная ономастическая идентификация в неформальном общении в странах испанского языка практически не используется. В колумбийской лингвокультуре протагонист известен как *Руфи́но Куэрво*. Его первую фамилию, вместе с первой фамилией колумбийского филолога и государственного деятеля Мигеля Антонио Каро (*Miguel Antonio Caro Tobar*, 1845–1909), носит основанный в Боготе в 1942 г. Институт для развития исследований в области филологии – *Instituto Caro y Cuervo* ‘Институт Каро и Куэрво’.

В одном из фрагментов текста автор отмечает, что упрямство характера его героя идет от басков, о чем говорит баскская по происхождению первая фамилия его матери: *La terquedad le viene de lo vasco, de lo Urisarri* [8. Р. 355] – ‘Упрямство досталось ему от басков, от Урисарри’. Известный басколог Луис Мичелена посвящает отдельный раздел баскским фамилиям с формантом *uri-* ‘город’ [19. Р. 159]. Отцовская же фамилия *Cuervo* имеет этимологию «ворон» и широко распространена в странах испанской речи. В названии произведения *El cuervo blanco* существительное *cuervo* написано со строчной буквы и с определенным артиклем, т.е. выступает как имя нарицательное и, имея явную аллюзию фамилии героя, реализует эстетическую функцию. Если в русской лингвокультуре существует выражение «белая ворона» как обозначение человека, резко отличающегося от других, не похожего на других [20. Т. 1. С. 78], то в испанском языке у существительного *cuervo* ‘ворон’ нет подобной метафоризации. Однако в природе реально существует достаточно редкий ворон белого цвета, в русской орнитологической номенклатуре «пегий ворон», латинское название которого *Corvus albus* [21]. В обыденном сознании колумбийцев ворон черного цвета, и словосочетание *cuervo blanco* ‘белый ворон’ прочитывается как оксюморон. Именно вóрона видит в начале повествования автор на кладбище Пер-Лашез, и именно ворон указывает ему, как найти могилу Руфи́но Куэрво: *Era un cuervo impaciente que me estaba guiando: “À gauche, à gauche!”* [8. Р. 10] – ‘Это был нетерпеливый ворон, который указывал мне путь: «Налево, налево!»’. Найдя могилу Р. Куэрво, автор вспоминает знаменитую поэму Эдгара Аллана По «Ворон» (англ. “*The Raven*”) и её повторяющиеся рефреном слова: исп. *Nunca más* (англ. *Nevermore*), что создает аллюзивный фон названия романа-биографии, которое, как и названия

произведений в целом, в рамках современной филологической парадигмы можно расценивать и анализировать как прецедентные высказывания [22]. Р. Куэрво был знаком практически со всеми известными лингвистами своего времени, и один из них, немецкий филолог Август Фридрих Потт (1802–1887) назвал его *cuervo blanco*, имея в виду уникальность его личности аскета, деликатность и беззаветную преданность филологии [8. Р. 28; 23]. Аллюзия на поэму Эдгара Аллана По может быть расценена как утверждаемая писателем неповторимость личности Р. Куэрво, подобного которому не было, как говорится в поэме Эдгара Аллана По, «никогда» и перед которым Фернандо Вальехо преклоняется, выступая в романе одновременно и как реальное лицо, и как рассказчик-повествователь.

Диалогичность биографии

Современные исследования диалога, получив импульс от исследований М.М. Бахтина, расширили свои горизонты до охвата новых жанров и модальностей диалога, его мультилингвальности, риторики, нарративных стратегий [24]. Через моделирование необычного текстового рисунка и языковой портрет центрального персонажа писатель показывает, как искреннее призвание Руфино Куэрво отвечало глубинным потребностям его души и в чем состоял его лексикографический подвиг, невероятный для одного человека.

Приводя многочисленные письма Р. Куэрво в объеме от целых текстов до отдельных фрагментов, автор-повествователь осмысливает их содержание, стиль и отчасти полемизирует со своим героем. Так, он отмечает, что Куэрво избегал в письмах упоминания личных имен: *si cuenta que ha ido a asistir a un amigo moribundo, no dice a cuál amigo* [8. Р. 38] – ‘Если он рассказывает, что ходил навестить умирающего друга, то не говорит, какого именно’. Вступая на материале корреспонденции Куэрво в диалог с читателем, за счет современных аллюзий автор-повествователь констатирует её уникальность: *El que no sepa del correo antiguo porque es de la era del e-mail, no se meta a perseguir fantasmas que de pronto agarra un oso* [8. Р. 137] ‘Кто не разбирается в корреспонденции прошлого, потому что родился в эпоху электронной почты, пусть не ищет призраков, а то поймает медведя’.

В письмах Р. Куэрво много этикетных аббревиатур, создающих исторический контекст письменной формы испанского речевого этикета XIX в., например *S.s.s.q.b.s.m.: Su seguro servidor que besa su mano* ‘Ваш покорный слуга, целующий Вашу руку’. Помимо констатации учтивости Куэрво, подобные этикетные формулы Ф. Вальехо расценивает как прообраз аббревиации в современном виртуальном общении [8. Р. 209], тем самым расширяя хронотоп романа-биографии. Повествование не лишено критических соображений относительно героя; ср. бахтинское: «<...> где он [автор] скептивен по отношению к жизни героя, там он может стать чистым художником» [13. С. 186]. К примеру, разделяя горе Р. Куэрво от утраты брата, автор говорит о его полном непонимании поэзии близко знакомого с

братьями знаменитого юного поэта Хосе Асунсьона Сильвы, покончившего жизнь самоубийством: *Los versos obscenos no lo son, son tontos...* [8. Р. 91]. – ‘Непристойные стихи [Сильвы] таковыми не являются, они просто глупые’, добавляя, что в настоящее время одним из самых распространенных колумбийских ругательств стало слово *gonorrea* ‘триппер’, не только потерявшее в колумбийском узусе свое прямое значение (сравним нормативную кодификацию в современном словаре речи жителей Боготы [25. Р. 147]), а сама болезнь элементарно лечится [8. Р. 91], что показывает шокирующий тон некоторых авторских рассуждений, апеллирующий к телесному «низу» для возвышения портретируемого персонажа. Подобные обобщения и оценки стиля писем присутствуют в отношении корреспондентов Р. Куэрво. Например, говоря о письмах любимого друга юности братьев, колумбийского филолога Рафаэля Помбо (1833–1912), автор комментирует, что его ненормативное употребление фамилии во множественном числе не нравилось Р. Куэрво: *De las cartas de Pombo la primera dirigida a Rufino José y ya nunca más a los “Cuervos” (con el apellido en plural, cosa que no le gustaba a don Rufino)*... [8. Р. 92] – ‘Из писем Помбо первое адресовано Руфино Хосе и уже никогда больше «Куэrvос», с фамилией во множественном числе, что не нравилось дону Руфино’. Сравним с авторской речью и нормативным употреблением фамилии во множественном числе: *Pombo conocía a los Cuervo de toda la vida* [8. Р. 92] – ‘Помбо знал [братьев] Куэрво всю жизнь’. В оценке корреспонденции Р. Куэрво автор-повествователь создает неологизмы, например аллитерирующий с названием болезни *osteítis* ‘остеит’, ‘остоз’ авторский неологизм *usteítis*, обозначающий избыточное употребление местоимения вежливости *usted* / *Вы*, свойственное как учтивому и деликатному Р. Куэрво, так и его другу, колумбийскому писателю и дипломату Х.М. Торресу Кайседо (1830–1889), для писем которого автор создает характеристику-неологизм *amiguitis* [8. Р. 210] – постоянное употребление лексемы *amigo* ‘друг’.

Автор-повествователь вступает в диалог со своим героем, которого он обычно уважительно называет *Don Rufino* / *Дон Руфино* или по фамилии: *Cuervo*, когда речь идет о беспристрастном изложении событий: <...> *van veintinueve años más unos días: es lo que vivió Cuervo sin regresar a Colombia* [8. Р. 20] – ‘двадцать девять лет и несколько дней: вот сколько прожил Куэрво за пределами Колумбии’. В отдельных фрагментах текста, концентрирующих его пафос, герой упоминается в полной ономастической идентификации *Rufino José Cuervo Urisarri*. Сравним полную ономастическую идентификацию в рассуждении как о чуде факт прибытия из Парижа завещанных Колумбии книг Куэрво в Боготу и восприятие Р. Куэрво автором-атеистом как святого: *Ah, con don Rufino ¡Creía no solo en Dios dividido en tres, sino también en buena voluntad de prójimo y que le iban a hacer caso! Pues se lo hicieron. Colombia que tumba casas, parques, árboles, que atropella y mata sin respetar a los vivos le hizo caso a un muerto. He aquí el primer milagro de san Rufino José Cuervo Urisarri* [8. Р. 23] – ‘Ах, дон Руфино! Вы верили не только в триединого Бога, но и в добрую волю ближнего и в то,

что на Вас обратят внимание. Так и произошло! Колумбия, которая сносит дома, парки, деревья, нападает и убивает, не уважая живых, проявила уважение к мертвому. Вот оно, первое чудо святого Руфино Хосе Куэрво Урисарри'. Диалог с героем может стилизоваться под письменное этикетное общение за счет стереотипных конструкций форм обращения и одновременно нарушать этикет за счет перехода к обращению на «ты» и на снижено-разговорную тональность общения, в том числе в отношении религиозной сферы, что приближает героя и автора к читателю: *Mi querido don Rufino: aquí el único que canonizo soy yo, y el que decide si necesitas o no de rezos para irte derecho a la Gloria de Dios donde hoy te encuentras, intercediendo por los que solicitamos tu intervención en nuestro favor ante el Susodicho* [5. Р. 39] – 'Дорогой мой дон Руфино! Единственный, кто здесь канонизирует, это я. И я же решаю, нужны ли были тебе молитвы, чтобы прямехонько отправиться во Славу Божию, где ты сегодня и находишься, выступая за тех, кто просит тебя о посредничестве перед Вышеозначенным'.

Проявляя эмпатию скорби героя, похоронившего брата, автор скептически расценивает передачу племянникам имущества скончавшегося Анхеля и укоряет своего героя в непрактичности и даже глупости, используя снижено-разговорный глагол *apendejarse* [17. Р. 129] 'вести себя по-дурацки': *Llore, si quiere, por Angel, don Rufino, pero no se empendeje* [8. Р. 186] – 'Плачьте, если хотите, по Анхелю, дон Руфино, но не становитесь идиотом', и снижено-разговорное однокоренное существительное *pendejez* 'идиотизм', 'глупость': *Pero usted, por nobleza o pendejez (que se dan la mano) les dio a sus sobrinos, a los hijos de Luis María, la parte que por ley les tocaba del tío intestado pero no por justicia* [8. Р. 187] – 'Но Вы, из-за порядочности или глупости, которые всегда идут рука об руку, дали своим племянникам, детям Луиса Марии, то, что им доставалось от не оставившего завещания дяди по закону, но не по справедливости'.

Диалог перерастает в полилог, когда автор начинает обращаться к адресатам и адресантам переписки Куэрво. Яркий пример – ответ на философский и одновременно очень личный вопрос, который звучит в письме Куэрво к его близкому другу, колумбийскому математику Льерасу: *"U. que tiene hijos a quienes tanto ha querido, vivirá en ellos siempre; pero quien es solo ¿en quién confiará para el cariño póstumo?" En mí, don Rufino, ¿en quién más?* [8. Р. 173] – 'Вы, у кого есть горячо любимые дети, будете вечно жить в них. А если человек один, кто будет любить его после смерти? Кто, как не я, дон Руфино?'. В полилоге голос автора может однозначно звучать снижено-грубо, как в обращении к перепутавшему название «Критических заметок о речи боготинцев» чилийскому политику и адвокату Амбросио Монту (1830–1899): *Y no eran "Apuntamientos" sino "Apuntaciones", mapuche estúpido* [8. Р. 211] – 'И это были не «Замечания», а «Заметки», тупой мапуче!', где *мапуче* – название коренного индейского населения Чили.

Текст изобилует глаголами в первом лице единственного числа и таким образом явно выраженной автокоммуникацией, диффузной в эстетике романа-биографии в плане отнесения к жанру дневника или диалога с чита-

телем, как, например, в контекстах ввода персонажей: *Al loco José María Torres Caicedo ya lo presenté* [8. Р. 209] – ‘Сумасшедшего Хосе Мария Торреса Кайседо я уже представил’.

В плане автокоммуникации просматривается реальная позиция Ф. Вальехо как антинаталиста и защитника животных: *¡Ah con don Rufino, dejándoles su plata a los pobres! Los pobres son unos hijueputas que lo único que hacen es pedir y reproducirse* [8. Р. 39] – ‘Ах, дон Руфино! Оставить деньги бедным! Да бедняки – это сукины дети, которые единственное, что делают, это кланчат и рожают’; *Defensor como soy de los animales y del derecho del hombre a no nacer, también defiende a los muertos de los atropellos de los vivos* [8. Р. 185] – ‘Так же, как я выступаю в защиту животных и защищаю право человека не рождаться, я защищаю мертвых от посягательств живущих’.

Таким образом, диалогичность в диапазоне от автокоммуникации до полилога также составляет характерологическую черту романа-биографии.

Если руководствоваться высказыванием Умберто Эко: «...найти код – это и значит теоретически постулировать его» [26. С. 66], то комплексный филологический анализ данного текста позволяет, на наш взгляд, выделить в нём несколько ведущих семиотических кодов: языковая и историческая личность Руфино Куэрво, его профессиональное окружение, главный труд жизни Р. Куэрво – «Словарь сочетаемости и управления испанского языка». Важная роль в семиотике романа-биографии принадлежит интертекстуальности, подразумевающей «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста» [27. С. 48].

Языковая и историческая личность Руфино Куэрво

Языковые средства описания личности Р. Куэрво в изобилии включают прилагательные оценки, например *modesto y delicado* [8. Р. 29] ‘скромный и деликатный’, *escrupuloso* ‘внимательный к деталям’, *intachable* ‘безукоризненный’ [8. Р. 315], *escrupuloso hasta ser maniático* [8. Р. 234] ‘дотошный до маниакальности’; абстрактные существительные: *una pureza absoluta* [8. Р. 34] ‘абсолютная чистота’, *honradez personal* [8. Р. 143] ‘порядочность’, *religiosidad y modestia* [8. Р. 234] ‘религиозность и скромность’. Повествователь приводит многочисленные хвалебные характеристики Р. Куэрво со стороны его коллег, особенно после выхода в свет «Словаря сочетаемости»: *el maestro venerado de filología española* [8. Р. 138] ‘обожаемый учитель испанистики’; *príncipe incomparable de la filología hispánica* [8. Р. 138] ‘несравненный принц испанистики’; *ilustre colombiano* [8. Р. 206] ‘выдающийся колумбиец’; *el ilustre filólogo bogotano* [8. Р. 211] ‘выдающийся филолог из Боготы’, *máxima autoridad en materia de filología española* [8. Р. 243] ‘высший авторитет в испанской филологии’. Подчеркивая холодность характера и необщительность французского романиста Мореля-Фасио, автор цитирует фрагмент его пламенной статьи-некролога о смерти Р. Куэрво: *Es muy honroso para la América del Sur, y en particular para*

Colombia, que uno de sus hijos sea el encargado de volver a enseñar a la antigua madre patria la historia de su lengua [8. P. 138] – ‘Для Южной Америки и особенно для Колумбии очень почетно, что один из ее сыновей облечен миссией вновь научить родину-мать истории своего языка’.

В тексте романа многократно подчеркивается необыкновенное чувство языка Р. Куэрво, а самого ученого автор называет «первым филологом, изучавшим испанский язык»: <...> *exceptuando a don Rufino, que es el primer filólogo de este idioma: el primero en el tiempo y el más grande* [8. P. 126] – ‘<...>за исключением дона Руфино, являющегося первым филологом в области испанского языка: первым по времени и смыслом великим’; *Filólogos como don Rufino imbuidos del amor a este idioma* [8. P. 141] – ‘филологи, как дон Руфино, наполненные любовью к этому [испанскому] языку’; *Nadie en los mil años de este idioma – ni Nebrija, ni Salvá, ni Bello – ha tenido un sentido de gramática más fino que tú* [8. P. 216]. – ‘Никто за тысячелетнюю историю этого языка: ни Небриха, ни Сальва, ни Бельо – не имел такого тонкого чувства грамматики, как ты’. В приводимом в тексте романа фрагменте письма, сопровождающего отправку по почте первого издания «Словаря сочетаемости и управления испанского языка», читатель слышит мнение самого Р. Куэрво о своем предназначении: *...habiendo sido mi designio estudiar la vida de nuestra lengua desde sus orígenes* [8. P. 229] ‘...мое предназначение – изучение жизни нашего языка от самых его истоков’.

Много строк посвящено необыкновенной дружбе братьев Куэрво: *Su única preocupación era que su hermano, al que adoraba y cuidaba como madre, no tuviera preocupaciones y sí la paz monacal necesaria para sus trabajos* [8. P. 123] ‘Его [Анхеля] единственной заботой было, чтобы его брат, которого он обожал и о котором заботился, как мать, не имел бы никаких забот, а имел бы монашеский покой, необходимый для работы’.

Текстовый орнамент из конкретных биографических фактов, их оценки, нередко в форме диалога, перерастающий в рассуждения о языке на грани парадоксальности, регулярен и при создании образа Р. Куэрво. Так, говоря о смерти Анхеля Куэрво, автор-повествователь задается вопросом, вступая в диалог с самим собой и с читателем, почему в испанском языке нет слова, обозначающего человека, потерявшего брата, и делает гиперболически-парадоксальный вывод о бедности испанского языка, что передает страдания Руфино Куэрво от смерти горячо любимого брата: *Cuando un niño pierde a los padres, en español se dice que quedó “huérfano”. ¿Y cómo se dice cuando un hermano pierde a un hermano? No hay palabra. Este es un idioma paupérrimo* [8. P. 34] ‘Когда ребенок теряет родителей, по-испански его называют huérfano «сирота». А когда брат теряет брата? Нет для этого слова. Испанский язык чрезвычайно скуден’.

Все события жизни Куэрво, в том числе воображаемые действия, например молитвы, сопровождаются авторской оценкой, авторскими эмоциями или констатацией собственного жизненного опыта. Если автор постоянно подчеркивает набожность своего героя, он пропускает этот факт через личностный опыт: *Que Cuervo iba a misa diaria lo he oído desde niño* [8.

P. 119] – ‘То, что Куэрво ежедневно ходил на мессу, я слышал с детства’; *Cada vez que don Rufino le pedía algo a Dios, no le salía. Pero no aprendía. Era más terco y empecinado que mi abuelo materno Leónidas Rendón* [8. P. 138] – ‘Каждый раз, когда дон Руфино просил что-то у Господа, у него ничего не получалось. Но это его ничему не учило. Он был более упрямый и упертый, чем мой дедушка по материнской линии Леонидас Рендон’.

Общеизвестно, что Р. Куэрво получил не университетское, а лишь домашнее образование [28. С. 75]. Ф. Вальехо, констатируя этот факт, с горечью добавляет тщетность преподавательских усилий Р. Куэрво, контактно располагая конверсивы *aprender* ‘изучать’ – *enseñar* ‘преподавать’: *Lo que aprendió Cuervo lo aprendió solo. Y lo que enseñó se lo llevó el viento* [8. P. 60] – ‘Все, чему научился Куэрво, он научился сам. А то, чему научил он, унес ветер’. С той же горечью автор говорит о нежелании своих соотечественников постигать науку: *A cien años de su muerte siguen sin querer aprender. De nada sirvió su ejemplo* [8. P. 143] – ‘Спустя сто лет после его смерти [колумбийцы] не проявляют желания учиться. Ничему не научил их пример Куэрво’.

Все словесные характеристики героя сводятся, на наш взгляд, к лексеме *santo* ‘святой’ в её многочисленных реализациях в тексте романа: *Alemán aprendió. Lo que es la vida no, pues fue un santo y los santos prácticamente no viven* [8. P. 57] – ‘Немецкий Куэрво выучил. А вот что такое жизнь, нет, потому что он был святой, а святые не живут практически’; *Yo a Cuervo y a su Bello los quiero. Son santos* [8. P. 67]. – ‘Я люблю Куэрво и его Белью. Они святые’. Святость дона Руфино автор противопоставляет прагматизму его отца-политика, внося сарказм за счет разговорной лексики *papá* ‘папа’ и ее противопоставления лексеме *santo* ‘святой’: *En cuanto al Diccionario biográfico de Cortés, confundían ahí a Rufino Cuervo Barreto, el vicepresidente, el papá, con Rufino José Cuervo Urizarri, el santo* [8. P. 155] – ‘Что касается «Биографического словаря Кортеса», то люди путали вице-президента, Руфино Куэрво Барreto, папу, с Руфино Хосе Куэрво Урисарри, святым’. Интересно, что юмористическая «деканонизация» персонажа, а точнее, его приближение к повседневной жизни читателя происходит констатацией с детства любви Р. Куэрво мяса [8. P. 206], что в структуре текста воспринимается как добрый юмор. Себя самого автор представляет как агиографа, называя Куэрво *mi santo* ‘мой святой’ или, отождествляя себя с колумбийцами или с читателями своего текста, *nuestro santo* ‘наш святой’.

Стиль работы Куэрво над текстом включал постоянные изменения и правки уже сданной в верстку работы. И, как и во всех фрагментах своего романа, автор сопровождает этот факт лично окрашенным комментарием, на этот раз саркастическим и в то же время сочувственным: *La manía de cambiar y corregir un libro mientras lo imprimían le quedó de por vida. Es más, de edición en edición siguió corrigiendo las Apuntaciones y modificándolas hasta el día en que, por fin mi señora Muerte le puso punto final a la pesadilla* [8. P. 47] – ‘Мания изменять и исправлять книгу, пока она была в печати, осталась у него на всю жизнь. Более того, от издания к изданию [Куэрво] продолжал проверять «Заметки» и вносить в них измене-

ния до тех пор, пока Госпожа Смерть не положила конец мучениям'. Писатель подчеркивает чистоту и аскезу братьев Куэрво, их юношескую предприимчивость при организации пивоварни в Боготе и одновременно наивность. Веру Куэрво в авторитет сенаторов он, например, обесценивает трудным для перевода сарказмом, строящимся на латиноамериканской омофонии существительных *senador* 'сенатор' – *cenador* 'ужинающий, любитель поужинать': *Don Rufino, no eran "senadores" con ese que no existen: eran cenadores con se* [8. Р. 167]. – 'Дон Руфино, это были не сенаторы, а любители хорошего ужина'. Эмпатия жизненным событиям Р. Куэрво, преклонение писателя перед его личностью также образуют одну из характерологических черт текста: *A mí me acompaña desde niño, tal y como me acompaña este idioma* [8. Р.378] – 'Куэрво со мной с детства, так же как и мой родной язык'.

Профессиональное окружение Руфино Куэрво

Текст изобилует упоминаниями реальных лиц, с которыми был знаком, встречался, дружил и сотрудничал Р. Куэрво, что создает исторический код текста: это колумбийский лингвист Эсекьель Урикоэча (1834–1880), оказавший огромное влияние на Куэрво; выдающийся немецкий лингвист, специалист по компаративистике Гуго Шухардт (1842–1927), с которым Куэрво поддерживал переписку в течение 29 лет; родившийся в Москве филолог-романист Борис де Танненберг (1864–1914), преданный друг Куэрво до самых последних дней его жизни и автор некролога *Cuervo íntimo* «Мой Куэрво», в 1911 г. опубликованного как статья в журнале *Bulletin Hispanique*; французские испанисты Альфред Морель-Фасио (1850–1924), первым во Франции написавший о Р. Куэрво, и Раймонд Фульш-Дельбоск (1864–1929); итальянский полиглот и санскритолог Эмилио Теза (1831–1912); колумбийский математик и инженер Луис Мария Льерас (1842–1885); чилийский политик, историк и грамматист Мигель Луис Амунатеги (1828–1888); испанский писатель и филолог Хуан Эухенио Артсенбуч (1806–1880) и мн. др. Факт, что Р. Куэрво, владевший многими языками, отвечал своим многочисленным корреспондентам на родном испанском языке, автор расценивает как знак особо бережного отношения к языку.

Рассуждения Ф. Вальехо об испанском языке

Художественное пространство романа интертекстуально насыщено фактами из истории испанского языка, в частности языка сефардов, многочисленными примерами варьирования испанского языка в пространстве и времени, в том числе примерами стилистического варьирования, что лингвистически выделяет образ Р. Куэрво и расширяет хронотоп текста. Собственные рассуждения Ф. Вальехо о современном состоянии испанского языка, его тонкие наблюдения над особенностями языкового узуса различных стран, в первую очередь Колумбии, Мексики (Вальехо имеет мекси-

канское гражданство), Испании, олицетворение языка, в котором одним из наиболее частотных прилагательных оказывается *caprichoso* ‘капризный’, сравнение языка с рекой показывают постоянные колебания живого языка между хаосом и упорядоченностью и вполне могут стать учебными материалами в университетском преподавании испанского языка и профессионального перевода. Именно значимость этого романа для лингвистов-испанистов и культурологов справедливо подчеркивает в своей рецензии Амелия Ройо [10. Р. 264]. К примеру, Вальехо говорит о существовании *loístas* и *leístas* – важной черте грамматического варьирования испанского языка, о стилистическом расслоении лексики и территориальном варьировании: “*chamaco*”, *por ejemplo, es una palabra del español coloquial mexicano, del que se habla en México en vida diaria*; “*deliberadamente*” *en cambio es una palabra culta, literaria, usada en todo el ámbito de la lengua*; y “*casa*” *pertenece tanto al idioma hablado como al escrito* [8. Р. 218] – ‘Например, *chamaco* «ребенок» – разговорный мексиканизм, *deliberadamente* «умышленно» – это книжное слово, а слово *casa* «дом» принадлежит как устной, так и письменной речи’. Рассуждения о современном узусе строятся на конкретных примерах, за которыми обычно следует эмоционально-оценочный вывод; ср. междометие *¡bestias!* ‘черт возьми’ в следующем контексте: *Todos decimos: “firma ante mí”, sin el “por”*. *No somos los españoles que dicen “Voy a por el libro”*. *Debe ser “voy por el libro”, sin “a”, ¡bestias!* [8. Р. 14] – ‘Мы все говорим: «подписывает в моем присутствии», без предлога *por*. Мы не испанцы, которые говорят “*Voy a por el libro*”. Должно быть “*voy por el libro*”, без “*a*”, черт возьми!’. В замечках об узусе автор нередко вступает в полемику со своим героем. Рассматривая материал «Критических заметок», переписку Р. Куэрво с испанским писателем и филологом Хуаном Эухенио Артсенбучем (1806–1880) и обсуждение ими ошибок, грамматист Ф. Вальехо делает свой беспристрастный вывод об ошибках Р. Куэрво и Х.Э. Артсенбуча в отношении изменения нормы: *Hay errores que lo parecen pero que no lo son. Son la lengua* [8. Р. 49] – ‘Есть ошибки, которые кажутся таковыми, но в действительности ими не являются. Это язык’. Писатель много рассуждает о варьировании языка: *¡Cómo cambian con el tiempo los idiomas! Y también se fagocitan unos a otros* [8. Р. 156] – ‘Как изменяются языки со временем! И одни поглощают другие’; *La historia de un idioma es la de sus caprichos* [8. Р. 273] – ‘История языка – это история его капризов’. Реальная позиция Вальехо как защитника чистоты испанского языка просматривается в критике притока в испанский язык англицизмов: *Hoy el español no es más que un adefesio anglicado* [8. Р. 274] – ‘Сегодня испанский язык – это не более, чем англизированная несуразность’.

«Словарь сочетаемости и управления испанского языка». Ф. Вальехо детально реконструирует историографический контекст кульминации филологической деятельности Р. Куэрво, которой стал «Словарь сочетаемости и управления испанского языка» (*Diccionario de construcción y régimen de la lengua castellana*). Работе Р. Куэрво над словарем, которая продлилась два-

дцать один год, предшествовала *Грамматика латинского языка для испаноговорящих*, написанная вместе с Мигелем Каро, когда, как подчеркивает писатель, Р. Куэрво было всего двадцать два года, а М. Каро – двадцать три [8. Р. 46].

Из истории испанской лексикографии известно, что на момент замысла Р. Куэрво создания «Словаря сочетаемости» Испанская королевская академия выпускала новые издания Академического словаря, которые вызывали критическую оценку в отношении помет, использования латинских названий и собственно дефиниций, поскольку за пределами лексикографического описания полностью оставалась сочетаемость слов. По существу, «Словарь сочетаемости» Р. Куэрво стал прорывом в лексикографии как опыт исторического словаря и одновременно словаря сочетаемости [28. С. 76–78]. Ф. Вальехо осмысливает научный подвиг Куэрво, подчеркивая колоссальный труд ученого: *El Diccionario de Cuervo era único: las monografías de las palabras que presentaban alguna peculiaridad sintáctica, como son todas las preposiciones y los verbos y adjetivos que las rigen. Con él intentaba una obra de malabarismo científico: volver al diccionario gramática y a la gramática diccionario. Y lo logró. Los enterró a ambos. Y es que al idioma no lo apresa nadie, es un río que se va* [5. Р. 115–116] – ‘Словарь Куэрво уникален, это монографические описания слов, имеющих синтаксические особенности, каковыми являются все предлоги, а также глаголы и прилагательные, которые ими управляют. Своим словарем Куэрво начинал работу научного фокусника: вернуть словарю грамматику, а грамматике – словарь. И у него это получилось. Он похоронил их обоих. Но язык никто не может обуздать: язык – это река, которая утекает’. Известно, что словарь был закончен Куэрво на букве *D*, что было связано со смертью горячо любимого брата: *Por Ángel había conocido Rufino José la dicha. Por Ángel acababa de conocer la desdicha. Nunca se recuperó de la muerte de su hermano. Por eso dejó el Diccionario de construcción y régimen de la lengua castellana, su obra máxima, empezado: en letra D*. [8. Р. 45] – ‘Благодаря Анхелю Руфино Хосе узнал счастье. И из-за Анхеля узнал и несчастье. Он никогда не восстановился после смерти брата. Поэтому он и прервал главный труд своей жизни на букве *D*’. Как это свойственно стилистике повествования, горечь от незаконченности словаря рождает неологизм *Devocionario* [8. Р. 266], аллитрующий с лексемой *Diccionario* ‘словарь’, но имеющий внутреннюю форму *devoción* ‘призвание’, ‘преданность’. Заключительная часть повествования посвящена «Словарю», и автор подробно анализирует цели Р. Куэрво, его сомнения, осмысливает значение словаря для эпохи Куэрво и для потомков: *¿No sería el Diccionario de construcción y régimen de la lengua castellana una gramática presentada como un diccionario? Sí, eso era, la obra de un gramático presentada como de un lexicógrafo, y además la de un filólogo historiador de la lengua* [8. Р. 229] – ‘Не был ли «Словарь сочетаемости и управления испанского языка» грамматикой в форме словаря? Да, именно так: это был труд грамматиста, представленный как труд лексикографа, а также историка языка’. При этом Ф. Вальехо беспристрастен в

констатации таких сложностей восприятия словаря, как огромное количество примечаний и ссылок: *...eran un capricho del filólogo por fuera del lugar en un diccionario* [8. P. 263] – ‘...каприз филолога, неуместный для словаря’. Словарь, по сути, стал «словарем-грамматикой»: *diccionario-gramática* [8. P. 277], компендием сведений по морфологии, синтаксису, этимологии, фонетике, орфографии испанского языка и, по мнению Вальехо, должен был бы называться «Историческим словарем испанского синтаксиса» (*Diccionario histórico de sintaxis castellana*) [8. P. 221]. Широту охвата Р. Куэрво языкового материала автор-повествователь сравнивает с Божественным Промыслом, создавая по аналогии с относящимся к Богу прилагательным *omnipresente* ‘вездесущий’, неологизм *omnisaciable* ‘насыщающий всем’: *Cuervo era como Dios, omnisaciable* [8. P. 282] – ‘Куэрво был, как Бог, «всенасытный»’. То, что работа над словарем по силам не каждому, Ф. Вальехо облекает в свойственную ему форму парадоксальных аргументов, в которых переплетаются политика, искренние человеческие и профессиональные порывы и мотив противопоставления религии-профанности: *El que quiera vivir bien y en paz con Dios y su mujer, póngase a tamar del gobierno y no se meta a hacer diccionarios. Salvo, claro, lo que busque sea la santidad* [8. P. 180] – ‘Тот, кто хочет жить хорошо и в мире с Господом и со своей женой, давайте, сосите грудь правительства и не суйтесь составлять словари. За исключением случаев, если то, что вы ищете, это святость’. Труд Р. Куэрво был продолжен Институтом Каро и Куэрво спустя сто лет после его начала автором, через девять лет после основания Института, в 1951 г., а завершен спустя сорок лет. То, что Колумбия дала миру такого филолога, как Руфино Куэрво, атеист Ф. Вальехо вновь облекает в парадоксальную форму: *Pues porque Dios existe. Esta es mi prueba gramático-lexicográfica de la existencia de Dios y de la grandeza de Colombia* [8. P. 299] – ‘Потому что Бог существует. Это мое грамматиколексикографическое подтверждение существования Бога и величия Колумбии’.

Колумбия как семиотический код текста

В тексте присутствует много характеристик Колумбии, раскрывающих двойственное отношение любви-ненависти Ф. Вальехо к родине: *Colombia es una desgracia, una cruz. Yo cargo con ella como cargó con la suya el Nazareno* [8. P. 15] – ‘Колумбия – это несчастье, это крест. Я несу его, как нес Свой крест Назарянин’. Приведем отдельные из многочисленных примеров перифраз Колумбии и ее референциальных синонимов в тексте романа: *Republiquita tropical* [8. P. 41] – ‘тропическая республишка’; *madre ingrata, mala patria* [8. P. 46] – ‘неблагодарная мать, злая родина’; *Esa era Colombia, esa es Colombia, los países no cambian* [8. P. 61] – ‘Такой была Колумбия, такая она есть, страны не меняются’; *tierrita* [8. P. 67] – ‘землишка’; *la gallina ponedora* [8. P. 71] – ‘курица, несущая яйца’; *ese país desmemoriado* [8. P. 93] – ‘страна без памяти’; *un paisito salvaje perdido en el*

mapamundi [8. Р. 157] – ‘дикая страна, затерявшаяся на карте мира’; *impredecible país de destino incierto y nombre cambiante* [8. Р. 175] – ‘непредсказуемая страна с неясной судьбой и изменяющимся названием’, *país de la felicidad, la cocaína y los doctores* [8. Р. 363] – ‘страна счастья, кокаина и формы обращения «доктор»’. Столица страны Богота в речи автора иронично, как это принято в колумбийской лингвокультуре [16. Р. 40], называется *La Atenas suramericana* – ‘Афины Южной Америки’, однако автор дает историографическое пояснение, что впервые так назвал Боготу посол в Колумбии аргентинец Мигель Канэ [8. Р. 110]. Один из выводов автора-рассказчика, соединяющих код личности Р. Куэрво и код Колумбии, – Р. Куэрво родился «не в той стране»: *Usted nació en un país equivocado. Ha debido nacer en Francia, o “ya de perdida”, como dicen en México, en Madrid, en la villa y corte. Con usted Dios metió las patas* [8. Р. 231] – ‘Вы родились не в той стране. Вам бы родиться во Франции или, «в крайнем случае», как говорят мексиканцы, в Испании, в прекрасном городе и при королевском дворе. С Вами Господь опростоволосился’.

Интертекстуальность романа-биографии

Эстетически преломленные сведения о Колумбии создают одну из черт интертекстуальности романа. В целом же сам роман становится мозаичным интертекстом мифологических, библейских аллюзий, исторических сведений о реальных языковедах от индийского грамматиста Панини до коллектива Института Каро и Куэрво в Боготе. Эстетическое преломление «мозаики цитат», по Ю. Кристевой, порождает авторские неологизмы, строящиеся на претексте, которым оказываются филологическая традиция, испанский язык в пространстве и времени и работы Руфино Куэрво. В качестве отдельных семиотических кодов романа, регулярно вступающих в интертекстуальные связи с образом главного героя книги, укажем код смерти в его многочисленных аллюзиях и контекстах, например: *Doña Muerte es femenino y don Thánatos masculino, y son dos distintos pero uno solo: la Santísima Dualidad de la Muerte, a la que invoco y rezo y pido y ruego con devoción* [8. Р. 180]. – ‘Донья Смерть женского рода, а Дон Танатос мужского, они разные, но по сути одно и то же: Священная Амбивалентность Смерти, которую я зову и которой истово молюсь’; двойной код «религия – атеизм», также находящий многочисленные словесные воплощения и интертекстуальные аллюзии: *Tan alto está el Altísimo que no está* [8. Р. 45] – ‘Бог так высоко, что его нет’. Семиотические коды, как это свойственно органическим частям целого, взаимодействуют и дополняют друг друга: *Además de hagiógrafo, soy tanatólogo* [8. Р. 45] – ‘Помимо автора жизнеописания святых, я еще и танатолог’. Семиотически и интертекстуально значимый пример взаимодействия кодов представляет противопоставление писателем сорока лет работы над «Словарём» целого коллектива авторов, имевших в руках современные научные средства, работе Руфино Куэрво над этим проектом в одиночку: *Lo acabó en 1994, ciento veintidós años después de que*

lo comenzara Cuervo de joven bajo los auspicios de los apóstoles san Pedro y san Pablo. Se tardan un poco más estos lexicógrafos pachorrudos y me llama Dios a cuentas y me voy de este valle de lágrimas sin ver mi Devocionario acabado [8. P. 266] – ‘Институт Каро и Куэрво закончил Словарь в 1994 г., спустя сто двадцать два года после его начала юным Куэрво под покровительством Святых Апостолов Петра и Павла. Несколько не торопятся эти ленивые лексикографы, а меня Бог призывает подвести баланс, и я ухожу из этой долины плача, так и не увидев мой «Девосионарио» законченным’. Это лишь один из многочисленных примеров, показывающих интертекстуальную насыщенность романа: в нем аллюзия набожности Руфино Куэрво, упоминание реального факта начала работы молодого Куэрво над «Словарем», библейская аллюзия долины плача (Пс. 83:7–8), разговорный колумбианизм *pachorrudo* ‘лентяй’ [17. P. 1552], авторский неологизм-гибрид *Devocionario* «Девосионарио», от *devoción* ‘призвание’ + *diccionario* ‘словарь’.

Заключение

Специфика идиостиля Ф. Вальехо проявляется в высокой интертекстуальной и аллюзивной насыщенности романа *El cuervo blanco*, что делает его философским произведением, развивающим темы призвания, самопожертвования, смысла человеческого бытия, с явственно выраженной этической и оценочной позицией писателя. Очевидно, что художественное пространство биографии Руфино Хосе Куэрво Урисарри в романе *El cuervo blanco* имеет хронотоп, значительно превосходящий реальные даты жизни выдающегося колумбийского филолога, охватывая период от зарождения испанского языка до наших дней. Главные пространственные координаты текста – Колумбия и Франция. Для эстетики произведения характерны постоянные переключения нарративного регистра с объективно-биографического на художественно-возвышенный или снижено-разговорный, в том числе с использованием национально-специфичной колумбийской лексики. Автор строит необычные аргументативные стратегии за счет широкого спектра аллюзий, создает неологизмы. Историческая и языковая личность Руфино Куэрво, реальные персоналии филологии и романистики его времени, деятели колумбийской истории в их эстетическом отображении, образ автора-рассказчика в художественном пространстве повествования вступают в особые формы письменного диалога в диапазоне от автокоммуникации до полилога.

Биография Руфино Куэрво, которого автор признает «святым», сопровождается явственно выраженным отношением автора к событиям его жизни и деятельности, постоянными размышлениями о сущности языка в целом и испанского языка в частности превращая текст *El cuervo blanco* в философский роман-биографию и стимулируя читателя приобщиться к профессиональному наследию Руфино Хосе Куэрво Урисарри, познанию Колумбии в мире испанского языка, сущности языка и возможностей его лексикографического отображения. Примечательно, что в 2011 г., к столе-

тию кончины Руфино Куэрво, Испанская королевская академия открыла конференц-зал «Руфино Хосе Куэрво» в память о «первопроходце современной лингвистики» (“*pionero de la lingüística moderna*”) [29]. Следуя высокому интертекстуальному потенциалу романа-биографии, мы позволили себе использовать в названии статьи название повести Станислава Рыбаса «Зеркало для героя» (1984), поскольку философская и эстетическая составляющая биографии выдающегося колумбийского филолога Руфино Хосе Куэрво Урисарри отражена в *зеркале* уникальной творческой личности Фернандо Вальехо Рендона.

Литература

1. *Fernando Vallejo*. Hablar en nombre propio/Luz Mary Giraldo y Néstor Salamanca-León, Editores. Bogotá: Universidad Javeriana y Universidad Nacional. 2013. 490 p.
2. *Чеснокова О.С., Радович М., Талавера П.Л.* Ибарра. Словарь персоналий Тихоокеанского Альянса = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacífico / под ред. О.С. Чесноковой. М. : РУДН, 2020. 349 с. : ил.
3. *Вальехо Ф.* Богоматерь убийц. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000073014-bogomater-ubijts-fernando-valeho> (дата обращения: 1.11.2020).
4. *Diaconu D.* Fernando Vallejo y la autoficción: Coordenadas de un nuevo género narrativo. Bogotá : Universidad Nacional de Colombia, 2013. 392 p.
5. *Padilla Iván.* Reseña // Lit. Teor. Hist. Crít. 2014. Vol. 16, № 2. P. 190–197.
6. *Balderston D.* La primera persona en La puta de Babilonia de Fernando Vallejo // Cuadernos de literatura. 2010. Vol. 14, № 17. P. 256–263.
7. *Video del Conversatorio "FERNANDO VALLEJO, el último gramático"*. URL: https://www.academia.edu/28692916/Video_del_Conversatorio_FERNANDO_VALLEJO_el_%C3%BAltimo_gram%C3%A1tico (дата обращения: 08.03.2020).
8. *Fernando V.* El cuervo blanco. Alfaguara. Madrid, 2012. 379 p.
9. *Zeballos M.* El Cuervo Blanco – Fernando Vallejo. Indiehoj, 30/05/2020; URL: <https://indiehoj.com/libros/el-cuervo-blanco-fernando-vallejo/> (дата обращения: 01.11.2020).
10. *Royo A., Vallejo F.* El cuervo blanco. Bs.As. : Alfaguara, 2012. 379 p.
11. *Sánchez M.C.* Biografía y conversaciones filológicas en la novela “el cuervo blanco” // HYBRIS. Revista de Filosofía, Vol. 8, № Especial: El mestizaje imposible. Septiembre 2017. P. 295–311.
12. *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В.М. Кожевникова. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
13. *Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 336 с.
14. *Иванова Е.В.* Жанр биографии в русской литературе: западноевропейские влияния // Studia Litterarum. 2016. Т. 1, № 3–4. С. 43–59.
15. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М. : Наука, 1986. 354 с.
16. *Чеснокова О.С.* Колумбия в мире испанского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : РУДН, 2014. 118 с.
17. *Diccionario de americanismos*. Lima : Santillana, 2010. 2333 p.
18. *Леденёва В.В.* Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 36–41.
19. *Michelena Luis.* Apellidos Vascos. San-Sebastián, 1973. 252 p.
20. *Словарь русского языка*. М. : Русский язык, 1986. Т. 1. 698 с.
21. *Пегий ворон*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD (дата обращения: 08.03.2020).

22. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
23. Vallejo F. Yo en parte soy Cuervo. URL: <https://www.elespectador.com/noticias/temadeldia/yo-parte-soy-cuervo-fernando-vallejo-articulo-340342> (дата обращения: 08.03.2020).
24. Weigand E. Dialogue: The key to pragmatics // From Pragmatics to Dialogue / ed. by Edda Weigand, Istvan Kecskes, 5–28. Amsterdam/Philadelphia : Benjamins, 2018. <https://doi.org/10.1075/ds.31.02wei>
25. Ospina A. Bogotálogo II: usos, desusos y abusos del español hablado en Bogotá. Bogotá : Instituto Distrital de Patrimonio Cultural, 2016. 320 p.
26. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. М. : TOO ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
27. Кристева Ю. Семиотика. М. : Изд-во МГУ, 1970. 218 с.
28. Садилов А.В. Испанский язык сквозь призму лексики: Проблемы испанской и испанско-русской лексикографии. М. : Либроком, 2014. 328 с.
29. La RAE inaugura la Sala Rufino José Cuervo en honor al filólogo colombiano. URL: <https://www.fundeu.es/noticia/la-rae-inaugura-la-sala-rufino-jose-cuervo-en-honor-al-filologo-colombiano-7018/> (дата обращения: 08.03.2020).

“A Mirror for the Hero”, or Rufino Cuervo’s Biography in Fernando Vallejo’s novel *El Cuervo Blanco*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 154–174. DOI: 10.17223/19986645/73/9

Olga S. Chesnokova, Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru

Keywords: Rufino Cuervo, Fernando Vallejo, Columbia, fictional biography, narrative, idiostyle, allusion, intertextuality.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00316.

This article explores the linguistic and semiotic features of the biographical description and reflections on the role of the famous Colombian philologist Rufino Jose Cuervo Urizarri (1844–1911) in the development of modern lexicography as presented in the novel *El Cuervo Blanco/The White Raven* (2012) by the prominent Colombian writer Fernando Vallejo. The research offers a multimodal philological analysis of the text; discusses the factual, aesthetic, and intertextual means of the biographical novel; establishes the features of the syncretic genre of Cuervo’s biography created by Vallejo. The specific Vallejo’s idiostyle is characterised by his personal attitude, his own life experience, and numerous commentaries on the Spanish language, its norm, usage, variation, functional diversity, with multiple examples from Spanish spoken in Colombia. The chronotope of the novel settles it not to the dates of Cuervo’s life but overpasses them and extends from the Spanish language mindset up to nowadays. The research has established that, for the aesthetics of the text on the whole, the constant switching of the narrative register from objective historiographic to the artistic or colloquial one, including ethnospecific Colombian vocabulary, is proper. The article also highlights the main semiotic codes of this biographical fiction: the linguistic and historical personality of Rufino Cuervo, his professional environment, Cuervo’s masterpiece, i.e. *Dictionary of Castilian Language Construction and Rection*, historical and cultural context of Colombia, Vallejo’s reflections on the Spanish language in time and space, intertextuality, the ambivalent code of contrasting religion and profanity, the code of death. Facets of dialogicity of the novel arise from Cuervo’s correspondence and other kinds of documents. Citing numerous letters from Cuervo’s correspondence, from whole texts to just some fragments, the author-narrator of the novel analyses their content, style, always adding his personal human and linguistic experience. The

author-narrator trends to unusual argumentative strategies due to a broad allusive and intertextual background, makes neologisms, which form an important compositional and aesthetic feature of the text. The dialogicity of the novel is being observed in the range from auto-communication to polylogue. Vallejo's idiostyle, creative linguistic strategies and techniques allow the writer to form a unique ideological, artistic, and civic message of the fictional biography, and to highlight the outstanding personality of the Colombian philologist Rufino Cuervo, considered by the writer to be "saint". Vallejo admires Cuervo as a person and as the author of the *Dictionary of Castilian Language Construction and Rection*. In the novel, Vallejo acts as a real person and the author-narrator thus creating holistic intertextual and allusive parameters of both the biographical description and the artistic space of the text of *El Cuervo Blanco*, which can be considered as a philosophical biography novel.

References

1. Vallejo, F. (2013) *Hablar en nombre propio*. Bogotá: Universidad Javeriana y Universidad Nacional.
2. Chesnokova, O.S., Radovich, M. & Talavera, P.L. (2020) *Ibarra. Slovar' personaliy Tikhookeanskogo Al'yansa = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacífico* [Ibarra. Dictionary of Pacific Alliance Personalities]. Moscow: RUDN.
3. Vallejo, F. (2020) *Bogomater' ubiyts* [Our Lady of the Assassins]. Translated from Spanish. [Online] Available from: <https://www.livelib.ru/book/1000073014-bogomater-ubiyts-fernando-valeho> (Accessed: 1.11.2020).
4. Diaconu, D. (2013) *Fernando Vallejo y la autoficción: Coordinadas de un nuevo género narrativo*. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.
5. Padilla Iván. (2014) Reseña. *Lit. Teor. Hist. Crít.* 16 (2). pp. 190–197.
6. Balderston, D. (2010) La primera persona en La puta de Babilonia de Fernando Vallejo. *Cuadernos de literatura*. 14 (17). pp. 256–263.
7. Cuadernos de Literatura. (2020) *Video del Conversatorio "FERNANDO VALLEJO, el último gramático"*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/28692916/Video_del_Conversatorio_FERNANDO_VALLEJO_el_%C3%BAltimo_gram%C3%A1tico (Accessed: 08.03.2020).
8. Vallejo, F. (2012) *El cuervo blanco*. Madrid: Alfaguara.
9. Zeballos, M. (2020) El Cuervo Blanco – Fernando Vallejo. *Indiehoj*. 30/05/2020. [Online] Available from: <https://indiehoj.com/libros/el-cuervo-blanco-fernando-vallejo1/> (Accessed: 01.11.2020).
10. Royo, A. & Vallejo, F. (2012) *El cuervo blanco*. Bs.As.: Alfaguara.
11. Sánchez, M.C. (2017) Biografía y conversaciones filológicas en la novela "El cuervo blanco". *HYBRIS. Revista de Filosofía*. 8. № Especial: El mestizaje imposible. Septiembre. pp. 295–311.
12. Kozhevnikov, V.M. (ed.) (1987) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
13. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: Towards the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg: Azbuka.
14. Ivanova, E.V. (2016) Biography Genre in Russian Literature: European and British Influences. *Studia Litterarum*. 1 (3–4). pp. 43–59. (In Russian). DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-43-59
15. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Nauka.
16. Chesnokova, O.S. (2014) *Kolumbiya v mire ispanского yazyka* [Colombia in the Spanish language world]. 2nd ed. Moscow: RUDN.
17. ASOCIACIÓN DE ACADEMIAS DE LA LENGUA ESPAÑOLA. (2010) *Diccionario de americanismos*. Lima: Santillana.

18. Ledeneva, V.V. (2001) Idiostil' (k utochneniyu ponyatiya) [Idiostyle (clarifying the concept)]. *Filologicheskie nauki*. 5. pp. 36–41.
19. Michelena, L. (1973) *Apellidos Vascos*. San-Sebastián: Txertoa.
20. Russkiy yazyk. (1986) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Wikipedia. (2020) *Pegiy voron* [Pied crow]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD (Accessed: 08.03.2020).
22. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: a course of lectures]. Moscow: Gnozis.
23. Padilla, N.F. (2020) *Yo en parte soy Cuervo: Fernando Vallejo*. [Online] Available from: <https://www.elespectador.com/actualidad/yo-en-parte-soy-cuervo-fernando-vallejo-article-340342/> (Accessed: 08.03.2020).
24. Weigand, E. (2018) Dialogue: The key to pragmatics. In: Weigand, E. & Kecskes, I. (eds) *From Pragmatics to Dialogue*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. <https://doi.org/10.1075/ds.31.02wei>
25. Ospina, A. (2016) *Bogotálogo II: usos, desusos y abusos del español hablado en Bogotá*. Bogotá: Instituto Distrital de Patrimonio Cultural.
26. Eco, U. (1998) *Otsutstvuyushchaya struktura: Vvedenie v semiologiyu* [The Absent Structure: An Introduction to Semiology]. Translated from Spanish. Moscow: TOO TK "Petropolis".
27. Kristeva, J. (1970) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Moscow State University.
28. Sadikov, A.V. (2014) *Ispanskiy yazyk skvoz' prizmu leksiki: Problemy ispanskoy i ispansko-russkoy leksikografii* [The Spanish language through the prism of vocabulary: Problems of Spanish and Spanish-Russian lexicography]. Moscow: Librokom.
29. Fundes. es. (2012) *La RAE inaugura la Sala Rufino José Cuervo en honor al filólogo colombiano*. [Online] Available from: <https://www.fundeu.es/noticia/la-rae-inaugura-la-sala-rufino-jose-cuervo-en-honor-al-filologo-colombiano-7018/> (Accessed: 08.03.2020).